

Табл. 1

<i>Sg, animate</i>	iz-di-now-di я-ATR-OBL.SG-ATR	iz-di-baj-now-di я-ATR-C-OBL.SG-ATR
<i>Pl, animate</i>	iz-di-bi-š-di я-ATR-PL-OBL.PL-ATR	iz-di- bajdi -bi-š-di я-ATR-C-PL-OBL.PL-ATR
<i>Sg, inanimate</i>	iz-di-ji-d я-ATR-OBL-ATR	iz-di-baj-di-d я-ATR-C-OBL-ATR
<i>Pl, inanimate</i>	iz-di-j-mi-d я-ATR-OBL-OBL.PL-ATR	iz-di-baj-di-mi-d я-ATR-C-OBL-OBL.PL-ATR

Как видно из таблицы, *-bajdi-* используется только перед косвенной морфемой *-bi-* одушевлённого субстантива множественного числа. В остальных случаях возникает *-baj-*.

Основываясь на Таблице 1, можно сказать, что выбор алломорфа зависит от косвенной морфемы, следующей за ним. Однако, существуют примеры, в которых контрастивный суффикс меняет суффикс косвенной основы (5).

- (5) za-d еѣ hi<w>i-r gada-baj-now-us
я-ERG яблоко(ABS) <з>дать.PF-CVB мальчик-C-OBL-DAT
а не riš-baj-now-us
а не девочка-C-OBL.SG-DAT

‘Я дал яблоко мальчику, а не девочке’

NB: ‘мальчик’ *gada* (абсолютив) — *gadi-j-es* (датив), ‘девочка’ *riš* (абсолютив) — *riš-e-s* (датив).

Косвенная морфема в форме с контрастивным показателем отличается от обычной косвенной морфемы. Более того, в Таблице 1 есть формы, в которых *-j-* превращается в *-di-* после *-baj-*.

Таким образом, контрастивный показатель в рутульском является достаточно интересным явлением. Он встречается на субстантивах, атрибутивах и наречиях, в отличие от большинства дагестанских языков, где контрастивные аффиксы возникают только на прилагательных и иногда на посессорах (Boguslavskaja 1995)ⁱⁱ. Рутульский контрастивный суффикс отличается по сочетаемости и от описанного в (Khanina, Shluinsky 2011) энецкого транскатегориального маркера со значением «именно». Судя по поведению косвенных морфем, *-baj-* образует новую субстантивную основу.

Литература.

Alekseev 1994 — Alekseev M.E. Six Minor Lezgian Languages. Rutul. 1994.

Boguslavskaja 1995 — Boguslavskaja O. Ju. 1995. Genitives and adjectives as attributes in Daghestanian // F. Plank (ed.) 1995. Double Case: Agreement by Suffixaufnahme. Oxford: Oxford University Press. P. 230-239.

Khanina, Shluinsky 2011 — Khanina O., Shluinsky A. Emphatic transcategorial morphology: a cross-linguistically rare phenomenon in Enets. In Peter K. Austin, Oliver Bond, Lutz Marten & David Nathan (eds) Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory 3, 171-181. London: SOAS. 2011.

Ибрагимова 2012 — Ибрагимова М.О. Роль атрибутивизатора -ДЫ/-Д в структурных падежных форм рутульского языка. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2012; (5): 164-166.

Кибрик, Кодзасов 1990 — Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: МГУ, 1990.

Махмудова 2002 — Махмудова С. М. Грамматические классы слов и грамматические категории рутульского языка. Махачкала, 2002.

Сумбатова, Ландер 2014 — Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса: монография. — М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 229-227.

ⁱ В (Махмудова 2002) показатель отличается гласным от описываемого; скорее всего, эта разница объясняется диалектными различиями.

ⁱⁱ На прилагательных - чамалинский, бежтинский, лакский, чирагский; на прилагательных и посессорах - ахвахский, хваршинский, табасаранский.